

ЗА ТОБОЙ

Ю Л И Я Р Е З Н И К

Юлия Резник

За тобой

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67643244*

Аннотация

С переездом всегда связано множество волнующих событий. Но всё равно Давид никак не ожидал, что влюбится в свою соседку и прикипит душой к её сыну, почему-то так похожему на него. Не ожидал он и того, что у Бэллы окажется столько тайн. Которые поставят под угрозу их столь не вовремя проснувшиеся чувства...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	47
Глава 6	58
Глава 7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юлия Резник

За тобой

Глава 1

Она была красивой. Женщина, за которой Давид наблюдал, стоя под козырьком, ведущим в парадную его нового дома. Он судил об этом с уверенностью прожжённого ценителя, хотя с такого расстояния и не мог разглядеть ее в деталях, только какие-то общие моменты – шикарную гриву спадающих из-под яркой фиолетовой шапки волос, безупречный профиль, сверкающие в свете фонарей белоснежные зубы, ну и, конечно, роскошную фигуру в сдельном комбинезоне. Хоть этот самый комбинезон сидел на ней как влитой, Давид почему-то подумал, что ей самой гораздо привычнее было носить явно что-то другое. Шикарные меха или пальто. Из этого напрашивался вполне закономерный вывод о том, что лет незнакомке побольше, чем он изначально думал. Не как ему, конечно. Но и не двадцать-тридцать. Всё же у молоденьких девочек, даже богатых, совершенно другая эстетика. Тогда как ему гораздо понятней и ближе вот эта... Давид наклонил голову к уху и прошёлся оценивающим взглядом по выпяченной попке незнакомки. Женщина как раз наклонилась, чтобы поправить шапочку малышу, вокруг кото-

рого она кружила коршуном всё то время, что он за ней наблюдал. Собственно, это и привлекло его внимание. Красивых баб, как ни крути, было много. Они не трогали. А вот такие, очевидно повёрнутые на своём отпрыске наседки встречались на его пути нечасто.

– Родик, сынок, не надо... Не бери это в рот.

Давид усмехнулся и буквально почувствовал, как натянулись отвыкшие от этого мышцы. В последнее время у него было мало поводов для смеха. Да и мало что в принципе могло его рассмешить.

У дамочки зазвонил телефон. На долю секунды она отвлеклась от ребенка, чтобы достать тот из кармана. Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы пацанёнок пустился в бег по лужам, весело притопывая маленькими ножками. В двух минутах от настоящей не календарной весны установилась мерзотнейшая погода. Таяло. Снежная каша под ногами разлеталась по сторонам, приводя маленького хулигана в абсолютный восторг. И в отчаяние – его мать.

– Родик, ты куда? Сынок! Стой, я тебе говорю. Ах ты ж маленький поросёнок!

Откуда в закрытом дворе их дома взялся парень на скутере, Давид так и не понял. Не до того стало, когда этот идиот выскочил из-за поворота напрямик на мальчишку. А дальше всё было как в замедленной съёмке – визг шин, крик бросившейся наперерез байку женщины, плач перепуганного пацана, звук падения. И грохот его собственных шагов, отдаю-

щий в ушах гулким эхом.

– Вы как? – спросил Давид, наклоняясь к лежащей в луже талого снега женщине. Сына та успела подхватить, и теперь малец голосил и вырывался из её сжавшихся в кольцо рук, не позволяя Давиду убедиться, что с ними обоими всё в порядке.

– Нормально, – женщина моргнула, попыталась встать, опираясь на локоть.

– Лежите! – скомандовал Давид тем самым голосом, что приводил в ужас его нерадивых студентов. – А ты, парень, напротив, иди ко мне...

– Я в порядке. И сама справлюсь со своим сыном.

– У вас может быть повреждён позвоночник. И любое движение сейчас лишь усугубит ситуацию.

– Вы что, доктор? – Дамочка сощурилась и села. И тем, что она не выполнила его команды, всё же заставила Давида обратить на себя более пристальное внимание. «Ох, ты ж чёрт!» – мелькнуло в мозгу. Он не ошибся. Незнакомка была невероятно красивой. Большие глаза, цвета которых он не мог разглядеть, высокие, чётко очерченные скулы, рот... Ну, это вообще отдельная песня.

– Да. Вроде того. Вижу, паралич вас не страшит.

– Мне доводилось бывать в передрыгах и похуже.

Женщина попыталась встать. Но из-за ребёнка, которого она продолжала сжимать в руках, сделать это было не так-то просто. Давид машинально протянул руку, чтобы ей помочь.

Сжал чуть повыше локтя. А она вздрогнула. Да так сильно, что он ее дрожь почувствовал даже через несколько слоев одежды. Вкупе с её замечанием о передрыгах картинка вырисовывалась настораживающая. Давид чуть разжал пальцы, мол, я ж ничего такого. Дамочка молча сцепила зубы, отчего её лепные скулы обозначились чётче. И, видно выигрывая время, чтобы как-то собраться, обрушилась на горе-скутериста:

– Вы в... своём уме?! Здесь пешеходная зона! Детская... площадка в десяти метрах... Какого... чёрта вы себе позволяете?

Давид не был бы собой, если бы в долгих паузах, рубивших речь незнакомки, не угадал, как старательно она подбирает слова. И что на самом деле все эти на первый взгляд корректные выражения – маска, под которой она прячет другие, менее цензурные и терпимые. Кстати, зря. Это было бы занятно послушать. Другой вопрос – откуда ей, такой всей из себя чистенькой, о тех выражениях знать? Нет, конечно, он мог назвать несколько категорий женщин, которые запросто ими жонглировали, но ни к одной из них незнакомка на первый взгляд не относилась.

– Я не подумал. Простите, пожалуйста, – пробурчал невнятные оправдания парень.

– И это называется закрытый двор! За это я переплачиваю кучу денег. Гады! Ну я им устрою! – выпалила женщина, всё же потеряв над собой контроль. И только потом, будто

вспомнив, что всё ещё сидит посреди лужи, неуклюже поднялась – сначала встав на колени, а потом и на ноги. С силой прижимая к себе горько всхлипывающего ребёнка. – Ну всё, всё, мой хороший! Mamочка не даст тебя в обиду. Не даст...

– Вы его только ещё больше пугаете, – заметил Давид.

– Я сама разберусь, как вести себя с сыном!

– Пока у вас не очень хорошо получается.

Красивые глаза незнакомки расширились. Будто она не ожидала, что кто-то из смертных может ей такое сказать, или чувствовала собственную непогрешимость во всём, будучи, как ей казалось, истиной в последней инстанции.

Давиду стало смешно. И, несмотря на то, что он того никак не выдал, привыкнув держать эмоции под контролем, она его веселье почувствовала и завелась еще больше. Да у неё разве что искры из глаз не сыпались!

– Гройсман Давид Ефимович, – почтительно кивнул Давид, сглатывая улыбку. Было и впрямь что-то забавное в том, как она реагировала. И настораживающее в то же время. Заставляющее присмотреться к ней повнимательнее.

– Спасибо вам, – незнакомка резко кивнула и, не посчитав нужным представиться, сделала шаг по направлению к парадной. – Ах...

Это был не стон, не вскрик. Скорее лёгкий выдох вышколенного, привыкшего держать под контролем реакции собственного тела человека. К портрету незнакомки, вырисовывающемуся в его голове, добавился еще один жирный мазок.

Испытывая к этой дамочке всё больший интерес, Давид нагнал её в полшага и снова подхватил под локоть.

– Все-таки болит? Я же говорил! Нога?

– Видно, потянула. Ничего серьёзного.

– Да вы идти не можете.

– Могу.

– Тогда хоть ребёнка отдайте. Ну не съем же я его, господи боже.

Она поколебалась немного. Смерила Давида проницательным взглядом и даже открыла рот, наверное, чтобы послать его куда подальше. Но неожиданно за них всё решил сам мальчик. Довольно резко оборвав свой плач, он всем тельцем потянулся к Давиду и робко тронул его маленькой ручкой в мокрой грязной варежке. Парню был год, не больше. Его маме, как Давид изначально и думал – лет сорок. Хотя выглядела она на порядок моложе, было в её глазах что-то такое, что выдавало возраст.

В лифте они ехали молча. С каждым новым пройденным этажом незнакомка становилась всё бледнее и бледнее. Видно, боль в травмированной ноге усиливалась. И толку, что она не жаловалась? Ее опять же выдавало лицо.

– Ну вот и наша квартира. Спасибо, что помогли, – пробормотала женщина, проворачивая ключ в замке.

– Я зайду ненадолго.

– Не понимаю, зачем!

– Удостовериться, что с вашей ногой всё в порядке. – Да-

вид оттеснил дамочку с прохода и, устав называть её про себя незнакомкой, в лоб поинтересовался: – Как вас зовут?

– Бэлла. А теперь давайте всё же простимся, потому что я...

– Сядьте. Если у вас растяжение, нога наверняка распухла. Ботинок нужно снять, иначе потом его придётся срезать.

– Бэлла Георгиевна? А я не слыхала, как вы вернулись... Усё нормально?

Из глубины шикарной, отделанной наверняка по последней моде квартиры выглянула грудастая крепко сбитая тётка.

– Почти. Какой-то идиот заехал на территорию на мопеде. И едва не переехал Родика. Ты его, пожалуйста, забери и помоги раздеться.

– Свят-свят! Что за ироды?! У нас во дворе? Вот прям туточки?!

– Ботинок действительно лучше снять, – напомнил Давид. Может быть, любого другого мужика на его месте такой неласковый прием напряг бы, а его – не особо. Ему было интересно наблюдать за реакциями людей. И уж, конечно, этой конкретной женщины.

– Ах да... – Видно решив, что в обществе домработницы ничего ей не угрожает, Бэлла – имя-то какое! – немного расслабилась. – Мотя, это Давид Ефимович (он и не думал, что она его имя запомнила), а это Мотя – наша палочка-выручалочка.

Давид кивнул и, ткнув пальцем на стоящий в двух шагах

пуф, вернул их к теме беседы:

– Так я гляну вашу ногу?

– А вы доктор, да? – поинтересовалась Мотя со страшным деревенским говором. Давид чуть повернул голову, их взгляды с Бэллой встретились. Удивительно, но его работающее как часы сердце пропустило удар.

– Можно и так сказать.

– Не поверю.

– Почему?

– Никакой доктор не может позволить себе куртку от этого бренда.

И вот тогда она впервые сама его коснулась. Провела по едва заметному логотипу на его парке пальцем. Будто по сенсорной панели, разгоня сердечный ритм.

– Я действительно врач, – нахмурился Давид, удивлённый своим откликом. Ему было не двадцать, и даже не сорок, чтобы так на кого-нибудь реагировать. Он для этого был слишком циничен и стар. Так какого же чёрта?

– Пойду вымою ручки Родiku. У него сегодня еще китайский.

Китайский? Китайский, блин? Да он ведь и по-русски, кажется, не говорит. Бедный ребёнок. Пока Давид гонял туда-сюда эти мысли, Бэлла опустилась на пуф и попыталась снять ботинок. Дернувшись ей помочь, Давид в последний момент отказался от этой мысли. Уж больно пошло выглядела бы со стороны картинка его коленопреклоненного. К то-

му же ботинки у Бэллы были на липучках. Из таких вынуть опухшую ногу – раз плюнуть.

– Пфф... – выдохнула Бэлла, отбросила обувь в сторону и потянулась к замку на комбинезоне. Из глубин квартиры до них доносились звуки телевизора, приглушённый голос Моти, залиvistый смех Родиона и дивный аромат мяса, с которым даже мощная вытяжка не в силах была совладать. Давид невольно обернулся и сглотнул. Жрать хотелось немилосердно. Он пропустил ужин и теперь расплачивался за это.

– Хм, носок тоже нужно снять.

Он сделал это сам, чтобы не терять времени. Ступни у Бэллы были красивыми и ухоженными, ногти с алым педикюром. Давид осторожно прошёлся пальцами по щиколотке, чувствуя, как женщина каждый раз напрягается в ответ на его касания. Логично было предположить, будто так она реагирует на боль. Но что-то подсказывало Давиду – не все так просто.

– Перелома не вижу. Скорее растяжение. Есть эластичный бинт? Я наложу повязку.

– С повязкой я и сама справлюсь...

– Профессионально наложу!

– Хм, – Бэлла усмехнулась каким-то своим одной ей ведомым мыслям, заставляя его напрячься. – Ладно. Мотя! Моть... Принеси-ка аптечку. Ту, где мазь от растяжений и бинты. Или нет. Мы лучше сами придём.

Давид в который раз за этот вечер помог ей встать. Кое-

как они доковыляли до совмещённой с кухней гостиной, где Мотя рылась в одном из шкафчиков в поисках необходимого. Устроив Бэллу на диване, Давид решил, что сам справится быстрее. Подошёл ближе. Окинул изумлённым взглядом ассортимент лекарств.

– Ты что, в аптечном бизнесе? – усмехнулся он, переведя взгляд на хозяйку скарба.

– Нет.

– Зачем тебе столько таблеток?

– Я – ипохондрик.

Ложь. Давид слишком хорошо умел читать людей. Собственно, многие говорили, что в этом он был, в общем-то, лучшим. Прикидывая в уме, что бы это всё могло значить, он быстро перебинтовал Бэлле ногу и, так не найдя объяснения, встал.

– Готово. Могу дать направление на рентген, если хотите. Но, думаю, обойдётся.

– Спасибо.

Давид кивнул. Нужно было уходить. Никаких причин оттягивать неизбежное не было. Вот только мясо, которым так вкусно пахло, что у него текли слюнки... Он бросил голодный взгляд в сторону весело булькающей на плите жаровни.

– Ой, а хотите с нами поужинать?! В благодарность! Правда, Бэлла Георгиевна? Или вас дома ждут?

Это что, такой способ узнать, не занята ли его скромная персона? Давид хмыкнул, понимая, что он вряд ли может

претендовать на роль завидного жениха. Вон, Бэлла-то тоже так считает, явно недовольная вмешательством домработницы, но слишком тактичная для того, чтобы той возразить.

– Нет. Не ждут.

– Тогда айн момент! Сейчас усё будет в лучшем виде!

Бэлла нахмурилась сильнее. Хотя, казалось бы, куда больше? И все ж взмахнула рукой в приглашающем к столу жесте.

Глава 2

Когда Родион родился, Бэлла поймала себя на том, что стала чувствовать этот мир гораздо острее. Видит бог, это было не то, чего бы она хотела, но... Но! Как-то отгородиться от этих процессов Бэлла не могла, сколько ни пыталась. Очень скоро она поняла, что как раньше уже не будет. Что чувства, которые она столько лет загоняла куда-то вглубь себя, больше не подчиняются её желаниям и, будто в отместку за долгую неволю, сводят на нет все её попытки вернуться в безопасность собственной раковины. Бэлла как будто вышла из комы. И теперь её органы чувств фиксировали самые незначительные, незаметные для кого-то другого детали – звуки, запахи, вкусы... Те детали, на которые ещё год назад она бы даже не обратила внимания. Те детали, что теперь тревогой заполняли её эфир.

– ... вот так молоточком отбить, унотрь положить кусочек салыца... Перчик свежесмолотый, соль, чеснокок.

– Вкусно!

– Бэлла Георгиевна тоже любит «пальчики»! Только сегоднря что-то у неё нету аппетита. Да вы кушайте, Бэлла Георгиевна!

– В русском языке нет слова «кушайте».

– А в моём – есть! – ничуть не смутилась Мотя. Шах и мат, как говорится. Ведь разве с таким утверждением поспо-

ришь? Бэлла ковырнула вилокóй гарнир. Убедилась, что её сын в детском стульчике рядом, целиком и полностью доволен жизнью, и будто вскользь прошлась взглядом по незваному гостю. Врач он, видите ли. Ага, чёрта с два. Хотя, надо отметить, повязку тот и впрямь наложил весьма профессионально. Но... Врачи так не выглядели, факт. От них так не фонило... властью ли? силой? непрошибаемым каким-то спокойствием. А как он смотрел? Будто слой за слоем сдирая кожу. Проникая вглубь под наносное, маски, за которыми она пряталась, чтоб сойти за свою. Угрозило же им встретиться... И Мотя тоже хороша! Взяла и без спросу пригласила чужака на обед. Как будто не знала, что Бэлле это не понравится!

– Вы злитесь?

– Я? Нет. Что вы. Скорей удивляюсь. Не каждый день встретишь еврея, который с таким аппетитом поглощает свинину.

– Наша невестка всё трескает. Спасибо за приглашение. Это было и впрямь изумительно.

Отлично! Значит, он не собирался задерживаться. Бэлла не без труда удержала в себе вздох облегчения, готовый сорваться с губ. Она не любила посторонних в своём доме. Это её нервировало. Равно как и чужие касания, лимит которых на сегодня Давид определённо исчерпал. Вспомнив о том, как загорелые сильные пальцы мужчины ощупывали её щиколотку, Бэлла поёжилась. Это не было совсем уж от-

вратительно. Скорей... терпимо. Она как будто даже забыла, какую боль могут причинить чужие руки, и сидела, не дыша. Но – вот ведь чёрт! – всё равно ощущала аромат его парфюма с горчинкой и какой-то ещё совершенно незнакомый ей запах. Присущий, видимо, ему одному.

– Тогда, может, кофэ? Или чайку с облепихой. Или, может, чего покрепче? Бэлла Георгиевна, у нас же где-то был коньяк?

Бэлла закусилa щёку, чтобы не рывкнуть – «довольно!». Смерила домработницу злым взглядом, без слов обещая устроить той выволочку, когда их неожиданный гость уйдет. Сколько раз она говорила Моте, что мужик ей не нужен и даром. А та один чёрт не отпускала мысли кому-нибудь сосватать хозяйку.

– Коньяку можно в кофе плеснуть.

– Боитесь, не дойдёте до дома?

– Да мне недалеко идти. За угол, – усмехнулся Давид, демонстрируя идеально ровные белые зубы, которые редко встретишь у людей его возраста.

– В смысле – за угол? Вы живёте в пятом доме?

– Да нет же. В этом. Я, получается, ваш сосед слева.

– Вот как...

А она всё гадала, кто же там поселится. Списочек проживающих в доме Бэлла по своим каналам пробила ещё на этапе планирования сделки. Ей было архиважно понимать, что за люди будут жить с ними рядом, чем эти са-

мые люди дышат? Нет ли среди них маньяков или каких-то других моральных уродов. Только убедившись, что соседи подбираются более-менее адекватные, Бэлла могла позволить себе расслабиться. Не до конца, конечно, но хоть чуть-чуть, продолжая удерживать в уме мысль, что абсолютной безопасности в принципе не существует. И да, она пробила всех... Всех абсолютно. Только имя соседа слева оставалось для неё загадкой до сих пор.

– Так, значит, это ваша квартира?

– Моя.

– Хм...

Бэлла напряглась. Ко всем тем тревожащим её в этом мужчине несоответствиям добавился ещё один интересный факт. Что ж он за фрукт, если даже она не смогла нарыть на него информации? А впрочем, если от него держаться подальше, какая разница? Не мог же он подстроить их знакомство. Или мог? А если так, то зачем? Она отошла от дел, в конторе об этом знали. И даже не возражали вроде бы. Хотя как ей, везло далеко не всем. Тут свою роль сыграли связи.

– Вы, наверное, опять думаете, что такая квартира простому врачу не по карману? – усмехнулся Давид.

– Мне до этого дела нет. Вы закончили? У Родиона с минуты на минуту начнётся урок китайского.

– Ухожу-ухожу! – Давид встал, выставив перед собой ладони. – Удачи тебе, парень, с китайским, – потрепал Родиона по макушке. Тот широко улыбнулся, схватил силиконовую

ложку и стал с остервенением её грызть.

– Я вас провожу. Ещё раз спасибо за помощь.

– Не стоит. Я сам дойду. А вам лучше побереечь ногу.

– Я в порядке, – заявила Бэлла, демонстрируя ну просто ослиное упрямство. Вопрос – зачем? Нога болела адски. Лёгкие обезболивающие, что она позволила себе выпить, не помогали. Ей явно следовало принять что-нибудь позабористей, но от тех лекарств она теряла концентрацию и становилась сама не своя. Уж лучше тогда терпеть боль. Это, по крайней мере, привычной.

Давид потянулся к куртке, брошенной на комод в холле. Рубашка натянулась на его широких плечах. И как всегда, ощущая в непосредственной от себя близости чужую силу, Бэлла поёжилась. Он был слишком большой и мощный, чтобы она чувствовала себя в безопасности. Всё же Моте не избежать головной боли! К чёрту таких гостей. Ей теперь не один час понадобится, чтобы вернуть гармонию в свою жизнь и забыть о чужаке, пометившем своим присутствием её территорию. Пусть даже хищник был немолод и потому далеко не так опасен, как мог. Хотя... нет, его определённо было рано списывать со счетов, Бэлле это подсказывали инстинкты.

– Ну, тогда доброй ночи.

– Доброй, – вымучив из себя кривую улыбку, Бэлла толкнула дверь. Та открылась, но нешироко, наткнувшись на преграду, которой там не должно было быть. – Что за чёрт?

Здесь, похоже, кто-то лежит!

– Может, этот кто-то перебрал? Дайте-ка...

С удивительной для такого крупного тела лёгкостью Давид проскользнул в образовавшуюся щель. Послышалась какая-то возня. Потом он чертыхнулся и бросил уже громче:

– Бэлла, звоните в больницу. Тут, похоже, избили девушку...

– Не надо. В больницу...

Бэлла узнала голос мгновенно и выскочила на звук. Благо, Давид уже оттащил от двери ее бывшую сотрудницу.

– Катя!

– Ты её знаешь?

Бэлла с намеком уставилась на Давида. Это же было очевидно, не так ли?

– Что с тобой случилось?

– Ты, наверное, хотела спросить, кто? – диковато улыбнулась нежданная гостя. От этой улыбки только-только взявшиеся корками ранки на её губах разошлись, и проступили рубиновые капли крови. – Разве это имеет значение? Помогите мне...

– Её нужно в больницу! – настойчиво повторил Давид.

– Нет! – дёрнула головой Катя и застонала.

Бэлла растёрла лицо, прикидывая в уме, как ей лучше поступить.

– Менты же... – пояснила Катя свой довольно резкий отказ, как будто и впрямь думала, что Бэлла не понимает ее

МОТИВОВ.

– Ничего. Как-нибудь отбрешешься. Где болит-то?

– Везде, – снова хохотнула та.

Пользуясь тем, что Давид отошёл, чтобы вызвать скорую, Бэлла тихо шепнула:

– Кто это сделал?

– Ваган.

– Твою мать, Катя! Где твои мозги? Ну даже новенькие не творят такой дичи. Какого хрена?! Ты же у меня бывала.

– Он платил хорошо. А у меня малой. Ты знаешь.

Катя теряла силы и говорила так тихо и медленно, что Бэлле приходилось здорово напрягать слух. Малой у неё... малой. Да, у них у всех кто-то был. Кто-то, ради кого её девочки занимались тем, чем занимались. У каждой имелся чёткий ответ, ради чего они всё это терпят. Рискуют. Теряют достоинство. Каждый божий день продавая по чуть-чуть свою душу.

– Дура, – покачала головой Бэлла. – Дура! Какая же ты дура, Катька. Я же предупреждала. Я же говорила! Даром всё, что ли? Ты под кем сейчас? Под Рустамом?

С тех пор, как Бэлла завязала с бизнесом, её девочки пошли на вольные хлеба. Кто-то сам искал клиентов, кто-то нашёл себе крышу в надежде, что та их защитит. Беда в том, что никто с ними так не носился, как Бэлла. Никто так над ними не трясся. Да и говоря откровенно, ни у кого не было таких, как у неё, связей на самом верху.

– Скорая вот-вот придет. Ты сможешь вниз спуститься?

– Да. Конечно.

– Кто это так с тобой? – резко спросил Давид. В попытке понять, что ей можно говорить, а что нельзя, Катя устала на Бэллу. Глаза у нее заплыли от удара, и смотрелось это с каждой секундой всё хуже. Бэлла незаметно качнула головой, мол, молчи.

– Да так, один... – прохрипела Катя, в не слишком успешной попытке подняться.

– На твоём месте я бы бежал от этого «одного» без оглядки.

– Я так и сделала. Когда смогла, – захохотала Катя, и от этого смеха по коже Бэллы пошёл мороз.

– А в полицию обращаться не пробовала?

– Да что они могут, эти ваши полицейские?

– Я возьму куртку и попрошу Мотю приглянуть за Родионом. Спасибо вам, Давид... Э-э-э... Ефимович. Не смею вас больше задерживать.

Чёрные брови Гройсмана взлетели вверх. Кожа на лбу собралась в гармошку.

– Я не отпущу вас одних. Поедем ко мне, в третью городскую.

– Вы что, правда врач? – и теперь не поверила Бэлла.

– Уже не практикующий. Я в меде преподаю. Ну и так, всякое. А вот и лифт. Бегите за курткой.

Бэлла с сомнением посмотрела на свою перевязанную но-

гу. Давид чертыхнулся.

– Ладно. Стойте тут. Я сам всё сделаю.

Они с дурындой Катькой кое-как затолкались в лифт, когда он вернулся с Бэллиной курткой. С тех пор, как она стала мамочкой, ей пришлось здорово пересмотреть свой гардероб. Теперь в нём было больше повседневных удобных в носке вещей, чем модных нарядов, кричащих о её высоком статусе.

– У-ух...

– Что такое? Где болит?

– Лучше спроси, где не болит. Будет проще ответить.

– Почему ты не поехала в больницу сразу?

– Побоялась. Да и к тебе оказалось ближе. Прости, что снова впутываю тебя в это.

– Ничего, – вздохнула Бэлла, хотя не сказать, что у неё не было злости по этому поводу. Иногда ей вообще казалось, что прошлое никогда её не отпустит. Хотя... нет, не так. Она точно знала, что этому не бывать. Что даже надеяться на это было глупо. Впрочем, главное, чтобы оно не коснулось Родика, а там – будь как будет.

– Он горяч...

– Что?

– Он горяч... – откашлявшись, повторила Катя.

– Кто? Ваган?

– Нет, этот твой... – Катя кивнула в сторону Давида, что как раз отошёл перекинуться парой слов с примчавшей-

ся на вызов бригадой.

– Он не мой!

– Да? Вот зря... Я бы с таким хотела состариться.

– Он уже стар! – буркнула Бэлла. Прошлась взглядом по высокой фигуре, плечам. Поджарой заднице. Ну, ладно. Может, она к нему несправедлива. Гройсман совершенно не выглядел дедом, факт. Но всё же он был значительно старше. Лет на десять, не меньше. А она всегда шутила, что на старости лет найдёт себе молодого фитнес-инструктора. Так сказать, для души и здоровья. Её девочек страшно веселили ее фантазии. Ну ещё бы. Эдакая параллельная вселенная, в которой они не продают, а покупают.

Пока Бэлла предавалась воспоминаниям, Катя отключилась. А ей почему-то почудилось, будто та вообще умерла.

– Эй! Катя... Катя! – задушенно позвала Бэлла. – Давид! Давид Ефимович! Кто-нибудь!

– Не трясى её. Она просто отрубилась.

Просто отрубилась. Просто отрубилась... Ну, конечно. А она напридумывала уже невесть чего. Глупая! Бэлла провела руками по лицу, будто стряхивая застывшую маску ужаса. За собственную истерику стало стыдно. Истерики ей были совершенно не свойственны.

– Да. Извините. Конечно...

– Она в надежных руках. Всё будет хорошо.

– Ладно.

– Это ваша подруга?

Бэлла сглотнула и беззастенчиво соврала:

– Д-да. Подруга. Кто ж ещё?

Глава 3

Весна за окном вконец разбушевалась. Яркий свет, будто нашинкованный жалюзи на длинные тонкие ломти, причудливым узором ложился на пол, деревянные парты и кафедру. И несмотря на всего несколько градусов тепла за окном, здесь, внутри, было жарко, будто в теплице. Студенты, разморённые то ли этой жарой, то ли его непривычно скучной лекцией, откровенно зевали. Кто-то задумчиво смотрел в окно, кто-то тайком втыкал в телефон, наивно полагая, что Давид этого не замечает, кто-то о чём-то шептался, но такие были в меньшинстве, день был настолько сонным, что даже болтать было лень. Вот и как в таких условиях работать? Давид проехался ладонями по кафедре, обхватил ту с боков и чуть по-иному распределил вес тела, чтобы облегчить нагрузку на поясницу.

– Остановимся на симптоме Воскресенского, так называемом «симптоме рубашки». При быстром скольжении давящей на брюшную стенку руки от мечевидного отростка в правую подвздошную область усиливается болезненность в области расположения червеобразного отростка...

Он не рассчитал. Звонок прозвенел прямо на середине предложения. Студенты тут же повскакивали со своих мест и, не дожидаясь, пока Давид закончит, потянулись к выходу. Хотя обычно они проявляли больше уважения, сегодня явно

что-то не задалось.

Давид снял очки и устало растёр переносицу. В приоткрытую форточку доносились громкий щебет птиц, шум городского трафика и нервирующие звуковые сигналы светофора, расположенного дальше по улице, но такого громкого, что его было слышно и за квартал.

– Давид Ефимович...

Давид обернулся. Уставился на девчонку, топчущуюся в проходе. То есть это он её девчонкой называл. Так-то Лена была сильно старше своих одноклассников. В отличие от них, ей за обучение платить было нечем, а пробиться на бюджет получалось далеко не у всех. Прежде чем это вышло у неё, Лена окончила колледж и даже отработала несколько лет медсестрой при первой хирургии. Откуда Давид это знал, он не помнил. Иногда ему казалась, что информация каким-то образом сама генерировалась в его мозгу. Но правда состояла в том, что однажды что-то услышав, он никогда и ничего не забывал. Разумеется, в моменте Гройсман не держал в голове кучу информации сразу, иначе он бы сошел с ума, а вот когда ситуация того требовала, безошибочно выуживал нужные сведения, точно зная, в каких архивах памяти их искать.

– Я тут уточнить хотела...

– Да, пожалуйста.

Лена подошла ближе, плавно покачивая бёдрами. Склонилась над разложенными на кафедре распечатками, что-

то затараторила, достаточно фамильярно положив свою ладонь на его руку. Девчонка с ним в открытую заигрывала. Уже не в первый раз. Почему он этого не пресёк? Потому, что не хотел быть с ней жестоким. Что взять с малолетки? Тем более, если ей приходится зубами выгрызать своё место под солнцем. Он насчет неё иллюзий не питал в плане нравится-не нравится. Понятно, что Лена вообще не из этих соображений под него стелилась. И не было в её намерках никакой романтики, так, лишь голый расчёт. Но и, что характерно, навязчивости тоже не было. Она вела себя очень мудро для такой молоденькой девочки. Видно, совсем ей нелегко приходилось и рано пришлось повзрослеть. Может быть, у них даже что-то и вышло бы. Она ему – себя, свою молодость. Он ей – чувство безопасности и достаток. Если бы не парочка «но»... Отношения со студентками – чистой воды харасмент, несмотря на то, что те сами порой вешаются на шею. На который бы он, впрочем, наверное, мог пойти. Если бы по-настоящему запал. А тут... как бы это сказать? Женщина мелковата. Давиду было слишком много лет, чтобы довольствоваться исключительно смазливym личиком. Он был слишком сложным, чтобы мириться с настолько простым. Чтобы настолько простое его в принципе привлекло, не говоря уже о том, чтобы удержало внимание. Пресыщенный, он смотрел на крепкую задницу студентки, выставленную напоказ в вырезе дешёвенькой кофточкИ грудь – и не испытывал ровным счётом ничего. Даже тени

физического влечения.

– У вас всё? – довольно ровно поинтересовался Давид, стряхивая чужую ладонь.

– Да, наверное...

– Тогда я, с вашего позволения, откланяюсь. У меня ещё куча дел.

– Давид Ефимович... – бросилась в омут с головой Лена.

– Не стоит, – отрезал Давид, надеясь на понятливость девчонки. И не напрасно. Явно смутившись, она закинула на плечо тёмно-синий рюкзак и быстрым шагом вышла из аудитории, оставляя после себя едва ощутимый аромат дешёвого опять же парфюма. Давид вздохнул, отметив, что девочка в самом деле старалась ему понравиться. Наверное, если бы он нагнул её над кафедрой и задрал юбку вверх, под ней оказались бы псевдо-кружевные трусики и лифчик из того же комплекта. Почему-то женщины всерьёз верили, будто это важно. Да только вот ведь какая штука – захоти он её по-настоящему, это всё не имело бы никакого значения. Но он не хотел. И не только Лену. А в принципе всего этого. Возня в постели сама по себе его давно не привлекала. Он мог назвать десятки способов, как потратить время с гораздо большей пользой и, что главное, удовольствием. Пожалуй, из этой его философии выбивалась лишь одна женщина. Бэлла. Давид кожей чувствовал, что она может стать той ещё проблемой... И поэтому безопасней всего для него было бы купировать свой интерес сейчас, не дав масштаби-

роваться ни этому самому интересу, ни вытекающим из него последствиям. Но Давид пока не понимал, каким образом это сделать. Вчерашний вечер занимал все его мысли. Возможно, именно из-за этого его сегодняшняя лекция не удалась, а вовсе не из-за внезапной оттепели.

Давид собрал в портфель распечатки и свой макбук. Прошёл гулками коридорами, пешком спустился на четыре этажа – толпиться в лифте не хотелось, и только в машине вспомнил, что опять забыл включить звук на телефоне. А там сразу несколько не отвеченных. От бывшей жены (в топку), старшей дочери (надо не забыть перезвонить) и из конторы (этим что ещё надо?). Но, что главное, от Стаханова. Одного из первых студентов Давида, которого тот попросил приглянуть за избитой подругой Бэллы.

– Тимофей Игоревич? Это Гройсман... Есть минутка?

– Минутку найду. Вы как знали, Давид Ефимыч. Я как раз решил чего-нибудь закинуть в желудок. Никаких сил нет после дежурства.

– Знакомая песня. «Что-нибудь» – это часом не столовские пирожки бабы Мани?

– Они! – хмыкнул Тим.

– Тогда не буду тебя отвлекать, – отбросил политес Давид. – Как там наша пациентка?

– Хреново. Вы вообще её откуда знаете?

– А что?

– Травмы там весьма... хм... специфические.

– Давай поподробней, Тим. Я в телепатии не силен. Её не только избили? Я прав?

– Ага. В точку. Я... чёрт. Кажется, ведь всё уже видел, а такие случаи один хрен всю душу вынимают...

Следующие пару минут Тимофей Игоревич скрупулёзно расписывал все повреждения и поставленные диагнозы. А Гройсман внимательно слушал.

– Мы, конечно, сделали всё, что могли: обследовали, мазки взяли, в полицию сообщили, как полагается, ну и лечение назначили, само собой. Но вы же в курсе, Давид Ефимыч, что после такого голову первым делом лечить надо. А тут вы больше, чем я, понимаете. К тому же она ведь настояла на выписке. Я ей теперь не указ.

– Как на выписке?

– А вот так. Прямо с утра потребовала её выписать.

– Чёрте что! – возмутился Гройсман.

– Госпитализация – дело добровольное. Не мог же я её приковать к батарее, – пожаловался Тим.

– Да, конечно. Я не на тебя ругаюсь. Не бери в голову.

Ругаться на Тима и впрямь было бессмысленно. Как он и сказал, ни один врач не имел права удерживаться пациента в больнице против его воли. Демократия дошла до того, что буквально на каждую процедуру нужно было получать письменное согласие. Что уж говорить о самой госпитализации? Выписалась – и выписалась. Врач рекомендации дал и на том снял с себя ответственность. Дальше, как говорится,

творите, что хотите. Другое дело, что после жестокого изнасилования в голову ничего хорошего не лезет. И не надо быть психологом его уровня, чтобы догадаться, на какие именно действия может подтолкнуть полученная в результате насилия травма... А вот для того, чтобы осознать, что не всё в той ситуации так гладко, нужно было всё же иметь какие-никакие навыки. Давид читал людей влѣгкую. Именно поэтому его привлекали к работе на самом высоком уровне. Когда какой-нибудь шишке из правительства или администрации надо было «вычитать» человека. Понять, на что он вообще способен, и с какой стороны к нему лучше подойти. Обычно это всё ему давалось легко, но бывали и занимательные случаи. Интересные личности, к которым вот так сходу было не подобраться. Как, например, Бэлла. А вот что касается её подруги, Кати, всё было гораздо прозаичнее. По её реакции на случившееся Давид легко вычислил, что она с таким сталкивается не впервой. И это ему давало пищу для размышлений. Кем была эта самая Катя? И Бэлла... что для него, в общем-то, было гораздо более любопытно.

Давид прикатил домой, выбрался из машины. Погода менялась хоть и в лучшую сторону, его застарелым травмам было на то плевать. Кости ныли одинаково, хоть на холод, хоть на жару. Он уже перестал жалеть, что из-за этих самых травм ему был заказан путь в операционную, но вот с внезапными вспышками боли даже по прошествии лет смириться было довольно сложно. Уж слишком те портили его

жизнь. Нет, конечно, Давид мог закинуться лошадиной дозой обезболивающих. Но будучи сам врачом, он слишком хорошо понимал, что кто бы что ни говорил, от них довольно легко поймать зависимость. Поэтому, когда можно было, он терпел. Ходил потревоженным медведем из угла в угол. Или принимался за какую-нибудь работу, чтобы отвлечься. Но это помогало далеко не всегда. Осознав, что ему предстоит ещё один такой вечер, Давид помедлил. Может, лучше тогда пройтись? Его дом был частью огромного жилищного комплекса, в котором имелась даже своя красивая набережная. Пока он размышлял, как лучше поступить, из кофейни на первом этаже выпорхнула стайка подростков. Запахло сдобой, вкусным кофе и корицей. Недолго думая, Давид пошел на аромат, нагрёб пакет всяких разных булок, взял с собой два стакана кофе – больше бы не унёс, и, наконец, признавшись себе в том, чего же ему на самом деле хочется, свернул совсем не туда, куда изначально планировал.

Что Бэллы может не оказаться дома, Давид сообразил, лишь позвонив в дверь. О том, как выглядит его визит, он вообще не думал, отсчитывая про себя секунды. Десять. Двадцать... Тридцать... Но ему всё-таки открыли!

– Давид Ефимыч? Хм... Что-то случилось?

Голос Бэллы звучал так, будто ей не хватает воздуха. Впрочем, немудрено, он явно отвлек её от тренировки. Об этом свидетельствовали и её одежда, и взмыленный вид. Волосы, собранные в пучок на макушке, липли влажными

пряжками на лицо, пот проступил бриллиантовой крошкой над губой и между грудями. Вот такая разгорячённая, его соседка выглядела совсем девчонкой. Чем он думал, когда припёрся к ней?

– Я купил булок. И кофе...

Удивительно, как он ещё его не пролил, удерживая го-
стинцы в одной руке.

– И что?

Супер. Вопрос на миллион просто.

– Хотел под это дело обсудить ситуацию с вашей подругой.

– А что с ней? – Бэлла напряглась. Но он это скорее почувствовал, чем увидел.

– Она выписалась из больницы. Сегодня. Мы так и будем обсуждать это через порог?

– Я вообще не совсем понимаю, что здесь обсуждать. Катя – взрослый человек и сама в состоянии решать, как ей поступить в той или иной ситуации, – отчеканила Бэлла и за-
чем-то оглянулась. – Ещё что-нибудь?

– Да. Пожалуй. Ответьте на один вопрос.

– На какой же?

– Вы точно подруги?

Она вздрогнула. Натуральным образом. Будто его вопрос её наотмашь ударил.

– То, что я не лезу в её жизнь, не означает, что я плохая подруга.

Чёрте что. Он как будто навязывался! Это злило практи-

чески так же, как и подстегивало. Его, старого дурака...

– Мне кажется, вы не до конца понимаете, что ощущает жертва насилия. Это может быть крайне опасно.

Глаза Бэллы удивленно расширились. Видно, он в очередной раз сумел ее удивить. А потом в них ему почудилась... то ли насмешка, то ли какое-то странное необъяснимое снисхождение, будто она понимала что-то такое, чего не понимал он.

– Ну, ладно. Ваша взяла. Проходите.

Глава 4

– А Родион...

– Спит. Я, с вашего позволения, схожу в душ. А вы пока располагайтесь. Тарелки в шкафчике над мойкой. – Бэлла мазнула взглядом по пакету с выпечкой, который Гройсман так и держал в руках. – Вдруг вам понадобятся.

Она не знала, какого чёрта пригласила его войти. Это было глупостью, с какой стороны ни посмотри. Возможно, ей просто было легче согласиться с ним, чем объяснять, стоя в дверях, почему его предложение неприемлемо. И вот теперь Бэлла расплачивалась за свой компромисс тем, что даже не могла нормально помыться. Точнее, как? В душ-то она сходила, но стоя под ним, Бэлла то и дело косилась на дверь, как если бы боялась, что Давид в неё ворвется. Конечно, это было глупо. Вряд ли ей хоть что-нибудь угрожало. Просто привыкнув жить настороже, она накручивала себя на пустом месте. Тьфу ты!

Кое-как промокнув тело полотенцем, Бэлла натянула бесформенный домашний костюм и вышла в гостиную, где Давид, похоже, уже вполне освоился. Завидев её, Гройсман обернулся. На миг их взгляды сплелись. В его глазах мелькнул интерес, который тот не потрудился скрыть. Её – остались абсолютно бесстрастными. По крайней мере, Бэлле нравилось так думать.

– Булочку? Свежая.

– Я пробежала десять километров, чтобы сбросить несколько сот килокалорий. Съесть хоть одну – значит свести на нет все усилия.

– Да бросьте. У вас великолепная фигура.

Тут, конечно, не поспоришь. Свою привлекательность Бэлла осознала сразу. В момент, когда она как-то очень быстро превратилась из угловатого подростка в роскошную женщину. За этот срок каких только комплиментов ей не приходилось слышать. Изысканных и откровенно пошлых, заискивающих и вполне искренних. Бэлла настолько привыкла к ним, что они совершенно её не трогали. А теперь, вот те на, что-то екнуло в груди, сжалось... Очень и очень странно. Даже пугающе.

– Она такая именно потому, что я не ем булок. Но спасибо за угощение. Родион его точно оценит.

Гройсман кивнул. Пододвинул к ней большой стакан кофе. Брал он на свой вкус, поэтому Бэлла не особенно рассчитывала, что тот ей понравится. Вкусным она считала кофе с добавлением специй и молока. Сваренный на арабский манер, здесь такой не готовили.

– Так что там с Катей?

– Она выписалась.

– Да, это я поняла. А дальше?

– Хм... Вы вообще в курсе, какого рода травмы она получила?

Бэлла покрутила в руках ложечку, раздумывая над ответом. Ведь если так разобраться, в детали Катя не вдавалась. Их Бэлла додумывала сама, имея очень хорошее представление о рисках в их бизнесе.

– В общих чертах.

– Вы уверены, что тот, кто с ней это сделал, не вернётся, чтобы повторить?

Не вернётся. Бэлла об этом позаботилась. «Если только Катька, дурында, сама того не захочет!» – мелькнула в голове тревожная мысль. Ведь сколько бы Бэлла не предупреждала своих девочек об опасности, каких бы напутствий им не давала, всё равно находились такие, кто за большие деньги не прочь был рискнуть.

– Если так – она сама себе Буратино, вы не находите?

– Это очень хладнокровный подход.

– Вы тоже не производите впечатления человека, склонного к сантиментам.

– Правда? – Давид сложил руки на груди, вздернул бровь и прошелся по ее лицу изучающим взглядом.

– Вы же здесь не из-за Кати...

Бэлла искренне верила в то, что существуют вещи, не терпящие хождения вокруг да около. Взять хотя бы эту ситуацию. Она была абсолютно не заинтересована в отношениях. А он явно на что-то надеялся. И даже если это «что-то» – всего лишь секс, было бы намного лучше, если бы Давид понял, что тот ей даром не сдался.

– Я так предсказуем? – гость улыбнулся краешком губ.

– Как и все мужчины.

– Ладно. И что, у меня есть какой-нибудь шанс?

Понимая, что вряд ли как-то унизит его достоинство правой (уж слишком он был самодостаточным), Бэлла сказала как есть:

– Ни единого.

– Хм... Вы дали обет безбрачия или что-то вроде того?

Он её даже развеселил своим предположением. Это же надо. Значит, то, что он мог ей вообще не понравиться, Давиду в голову не приходило? Чудно!

– Почему сразу – обет? Мысль о том, что у меня кто-то есть, вы не рассматриваете?

Гройсман окинул её ещё одним долгим взглядом. Качнул седой головой:

– Нет. Вы свободны.

Свободны... Не одиноки, как было бы точнее. Бэлла взяла на заметку формулировку соседа. Уж больно та ей понравилась.

– Откуда такая уверенность?

– Я неплохо разбираюсь в людях.

– М-м-м... Интересно. И что ещё вы обо мне расскажете?

– А что вы хотите, чтобы я рассказал?

Это могло быть даже занятно. Бэлла оживилась.

– Ну, например, кто я?

– По профессии?

– А хоть бы и так.

– Вы – топ-менеджер в большой корпорации. Возможно, кризисный управляющий или что-то вроде того.

– Интересно, почему вы так решили?

– Потому что сошка помельче ни за что не смогла бы купить такую квартиру.

– Может, у меня есть богатый любовник. Топ-менеджер в большой корпорации, – вернула подачу Бэлла, проказливо улыбаясь.

– Нет. Вы не из тех, кто будет зависеть от кого-либо. Да и кто станет делать ребёнка любовнице?

А вот здесь они ступили на тонкий лёд. Хорошее настроение Бэллы чуть подпортилось.

– А вдруг нашелся желающий?

– Нет. Скорее я поверю, что вы родили для себя. Понимая, что ещё чуть-чуть – и будет поздно. Кстати, это тоже говорит в пользу моей версии о карьере топ-менеджера. Обычно в погоне за карьерным ростом женщины сознательно откладывают материнство на потом.

Бэлла чуть наклонила голову, чтобы спрятаться за упавшими на лицо волосами. Ей нужно было сделать паузу, переобратиться, чтобы доиграть этот спектакль до конца. Она провела кончиком пальца по ободку своего стакана. Шутить уже вообще не хотелось, но как иначе свести на нет их разговор, Бэлла не понимала.

– А мысли о том, что у меня были проблемы с зачатием,

вы не допускаете?

Это был тонкий лёд, да. Бэлла буквально чувствовала, как тот трещит у неё под ногами. Она ругала себя за то, что сказала правду. Сказала, конечно, чтобы ему подыграть. Запутать... Правду зачастую принимают за ложь... А он какого-то хрена (нет чтобы набросить сверху очередное «против»!) взял длинную-предлинную паузу и после негромко заметил:

– Если это так, мне жаль. Мои слова непростительны.

– Да всё нормально! – наигранно рассмеялась Бэлла. – Мне действительно было совершенно не до ребенка.

Хотя бы потому, что она чётко знала – ей ни за что самой не родить. Бесплодие – не самая большая проблема, с которой Бэлле пришлось столкнуться после восьми лет сексуального рабства. Далеко не...

– Бэлла...

– Вы закончили? Родион вот-вот проснётся, и... – она не договорила, потому что как-то так вышло, что они, синхронно поднявшись из-за стола, столкнулись. Впечатались друг в друга, совпали, повторяя контуры тел. Бэлла замерла перепуганной мышью, зажатая между стеной и высокой фигурой Гройсмана.

– Дыши!

– Я дышу.

– Нет. Пока ты боишься. Давай... Вдох, выдох.

Послать бы его к чёрту, да как? Если от вдруг нахлынув-

шей паники и впрямь ни вдохнуть, ни... Ну дальше вы, наверное, в курсе.

Бэлла судорожно втянула воздух, хрип прошил тишину.

– Молодец. Хорошая девочка. Ты на всех мужиков так реагируешь, или только мне повезло?

– Что? Бред какой. Придумали тоже!

Это правда. Чего-чего, а страха в ней не осталось. По крайней мере, не за себя. И в этой ситуации её гораздо больше пугало не то, что Давид оказался от неё в непосредственной близости, а то, как эта самая близость в ней отозвалась.

– Проверим?

– Ничего я не собираюсь проверять! Нашелся мне испытатель...

Бэлла хотела сказать «испытатель», но он её на полуслове прервал. Обхватил ладонью затылок, зафиксировал и поцеловал. Это всё бред, конечно, что шлюхи не целуются. Нет такого закона. Но сама Бэлла не целовалась... господи, даже подумать страшно... сколько? двадцать лет? Выходит, так. С тех пор, как она попала в плен.

Гройсман шевельнул языком, раздвигая её плотно сжатые губы. Бэллу охватило удушье. Картинка перед глазами поплыла, а реальность схлопнулась. И вот она уже опять в грузовике, набитом тремя десятками перепуганных вчерашних школьников. И ей снова нечем дышать, и пить нечего, и некуда испражниться. Тогда она думала, что большего ада нет. Сле-

дующие восемь лет доказали Бэлле, что она ни черта не знала об аде.

Она хотела просто подзаработать в турецком клубе, а её силой переправили в пакистанский бордель, откуда нереально было выбраться. Так бы она и сдохла в нём, как собака, если бы тот канал торговли людьми не вскрыли. Её нашёл совсем ещё зелёный мальчик. В темной комнате, единственным источником света в которой было небольшое зарешечённое окошко под потолком. Она лежала на загаженном матрасе, сжавшись в комок. И ни на что не реагировала. Грязная, измождённая, с синяками по всему телу. И выбитым зубом.

– Хэй! Хэй, леди! Ду ю спик инглиш? – спросил вояка на забытом инглише, а Бэлла подумала, что ей он опять чудится. И оттого, разозлившись, она, не стесняясь, выругалась. – Так ты из наших? Ну что ж. Меньше проблем. И это... ты не бойся. Все уже позади. Сейчас здесь закончим и домой тебя отправим, к маме.

В ответ на эти слова Бэлла рассмеялась. Зло так рассмеялась. Потому что исключительно злость ещё хоть как-то подпитывала её силы.

- Может, ты бы представился для начала, мальчик?
- Младший лейтенант Мурадов. Спецназ.
- А имя-то у тебя есть, младший лейтенант?
- Родион Мурадов¹.

¹ Родион Мурадов – герой книги «А если это любовь?»

– Так вот, Родик, не осталось такого, что могло бы меня напугать. Я ясно выразилась?

Тогда она именно так и думала. Не врала. И лишь очутившись на родине, среди людей, говорящих на знакомом ей языке, она осознала, как жестоко ошибалась, думая, будто самое страшное осталось в прошлом. Если бы не помощь того парнишки, что её спас, сгинула бы она – и к бабке ходить не надо. Оставшись в родной стране без квартиры, без работы и документов... Поломанная и травмированная настолько, что лучшим выходом из её ситуации был выход в окно, она выжила благодаря Мурадову. А потом, по классике, в него влюбилась. Зная, как это глупо. Понимая, что ничего между ними не будет. Безнадёжно и обречённо. Но даже с ним... особенно с ним она никогда не целовалась.

– Твою мать, Бэлла! Ты меня слышишь? Бэлла...

– Да. Всё в порядке. Зачем же меня так трясти? – она ответила вполне внятно, сама удивляясь, как это у неё вышло, если ноги – что вата, и на горле петля. Шагнула прочь, заставляя незваного гостя сдвинуться.

– Бэлла...

– Проверка окончена? Я могу вас проводить?

– Да. Но постой, у тебя точно всё нормально? Выглядишь ты не очень.

– Правда? – Бэлла растерянно провела руками по лицу, прислушиваясь к ощущениям в теле, и опять же заметила вслух, то, что говорить не планировала: – Наверное, потому

что меня мутит... Сильно. Извините, мне надо... — договорить не смогла, закрыла рот ладонью и помчалась к туалету, успев едва ли не в последний момент. Содрогнулась, выплёскивая подкатившую желчь. А когда отпустило, встала, пошатываясь. Набрала в пригоршню холодной воды, прополоскала рот, плеснула в лицо, смывая плёнку покрывшей его испарины. А когда привела себя в относительный порядок, обернулась. Смерила стоящего в дверях Гройсмана удивлённым взглядом.

— Вас проводить?

— Нет, — сказал тот, отчего-то осипнув. — Это из-за меня?

— Что именно?

— Тебя вывернуло... — кивнул в сторону унитаза.

— Нет. Из-за салата.

— Что?

— Я сегодня завтракала в кафе. Наверное, салат был несвежим.

Бэлла вралла. И одновременно с этим говорила правду. Салат действительно был в её меню. И совершенно точно её вывернуло не из-за отвращения. Скорее, даже напротив. Отвращение она научилась подавлять. А вот что делать с возникшим некстати влечением — она понятия не имела. Ну не поддаваться же ему, право... Не испытывать себя и судьбу.

Подводя черту подо всем случившимся, в детской закричал Родик.

– Я пойду к сыну, пока он не разорался. Захлопнете за собой дверь?

Ответа Бэлла дожидаться не стала.

Глава 5

Давид был ужасно недоволен собой. Нет, не так: он был взбешён. Напряжён до того состояния, что вокруг его стремительно движущейся фигуры вихрями закручивались воздух и строительная пыль, которая никак не желала выводиться после недавнего ремонта. Он ходил и ходил, не находя себе места. Садился за стол. Вскакивал. Ненадолго замирал у окна и даже пытался смыть с себя то, что произошло, как будто оно на нём липкой плёнкой осело. Не помогло и это. А его бесконечные метания привели лишь к тому, что травмированное бедро стало сильнее ныть. Боль была настолько изматывающей, что ещё немного – и он бы сам скрючился над унитазом, выблёвывая кишки. Чтобы этого не допустить, Давид достал аптечку, ампулы с обезболивающим, шприц... Пусть он уже не доверял своим рукам настолько, чтобы взяться за скальпель, но поставить укол ему все ещё было по силам. Не промахнётся же он мимо собственной задницы! Да только в последний момент Давид передумал. Сгрёб рассыпанное по столу добро обратно в аптечку, отшвырнул ту от себя и, понимая, что окончательно утрачивает над собой контроль, шумно втянул носом воздух.

Чёрте что! Как он так облажался? Он! Ладно бы кто-то другой, тупой, ничего не понимающий. Но не он... Непростительно. Хоть бери теперь и на покой уходи. А что? Мо-

жет, это и выход. Да только кто ж его отпустит?

А если прийти и сказать: «Всё, ребята, потерял на старости лет нюх» – кто поверит?

Давид опёрся ладонями на подоконник. Свесил голову и зажмурился, переживая очередной болезненный спазм. Боль высекала искры из глаз, добавляя спецэффектов застывшей на обратной стороне век картинке.

– Дыши!

– Я дышу.

– Нет. Пока ты боишься. Давай... Вдох, выдох.

Он же сразу считал её страх. Тем необъяснимее то, что он сделал дальше!

– Молодец. Хорошая девочка. Ты на всех мужиков так реагируешь, или только мне повезло?

– Что? Бред какой. Придумали тоже!

– Проверим?

– Ничего я не собираюсь проверять! Нашёлся мне испытатель...

Нахрена? Нахрена ему это было надо? Проверил? Да. Дальше что? С ней, с собой. В принципе... С этим грёбаным стояком!

Она же боялась. Бо-я-лась. И явно не хотела. А он поцеловал. Всего лишь поцеловал. Всего лишь?! Её вырвало. От салата, ага... Как бы не так. Он, конечно, повёл себя как полный кретин, но всё-таки, объективности ради, дураком Давид не был. И всё он понимал. Точней, понял. Точней...

А, к дьяволу! Неважно. Вопрос в другом – что теперь делать? Пойти к ней? Извиниться? А что это изменит, даже если представить, что его впустят? Давид мог поклясться, что ничего. Она опять на него посмотрит тем самым слегка удивлённым взглядом и сделает вид, что вообще не понимает, к чему он клонит. И что всё нормально. Так, как и должно. Точно так же, как она сделала, когда её вырвало.

– Это из-за меня?

– Что именно?

– Тебя вывернуло...

– Нет. Из-за салата.

– Что?

– Я сегодня завтракала в кафе. Наверное, салат был несвежим.

А может, ему поверить? Ну да... Взять и обмануться. Насколько же будет проще!

Докатился... И главное ведь, не понятно, с чего его настолько пробрало. Ещё пару дней назад он даже при желании не смог бы представить, что так его на ком-то заклинит.

Та-а-ак. Стоп. Его, выходит, заклонило? Всё? Тушите свет? Или ещё как-то можно пересобраться и не наделать глупостей? Ведь что может быть глупее отношений с проблемной женщиной? А впрочем, о каких отношениях речь? Нет, всё же с ним произошло какое-то стремительное отупение. Что, если так подкрался маразм? Это на первый взгляд для маразма вроде бы рано. А практика показывает, что мно-

гие болячки молодеют. Добавь к этому его довольно стрессовый образ жизни, и – вуаля.

Прерывая мысли Давида, кто-то позвонил в домофон. Гости в его доме появлялись нечасто, так что ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, откуда идёт звук. Чуть припадая на одну ногу, он дошёл до двери. Ткнул пальцем в специальную сенсорную панель, выводя на экран изображение.

– Люба?

– Давид! Я уж думала, зря приехала, но до тебя ж не дозвониться! Открывай.

– Шестой этаж.

– Да знаю я, – отмахнулась его бывшая. Ну да, от конторских, тем более от неё, адрес было не скрыть. А учитывая, что с ним пытались связаться... Хм. В общем, немудрено, что она примчалась.

– Ну привет.

– Привет! – как всегда энергичная, Люба коротко его приобняла и по-хозяйски чмокнула в щёку. Они давно не виделись, за это время она как будто бы похудела, подстриглась и, кажется, всё ж начала потихоньку сдавать... А может, просто устала. В их возрасте стоит чуть недоспать – и всё, результат налицо.

– А это что? – Давид не сразу обратил внимание на пакет, который с собой принесла гостья.

– Подарок.

– Я пропустил какой-то праздник?

– Ага. Новоселье. Мог бы и позвать по старой дружбе. Хвастайся!

Чудно. Выходит, Любка пришла посмотреть на его холостяцкую берлогу? Любопытство заело? Или что?

– Ну, неплохо, слушай! И твой диван здорово вписался.

Диван – это, пожалуй, единственная вещь, доставшаяся ему при разводе. Не то чтобы Давид претендовал на что-то другое, нет. Он уходил, как истинный джентльмен. В чём был, что называется. Оставив нажитое добро жене и детям, и, кажется, ни о чём не жалел. А теперь вот почему-то вспомнил. И мелькнула гаденькая мысль, что по сути ведь это Любка захотела развода. А платить за него пришлось почему-то ему.

– Кофе будешь? Или сразу чего покрепче?

– Нет. Я за день столько нахлебалась, что теперь тахикардия.

– Это ты зря. Себя надо беречь.

Давид полагал, что Любка как всегда беспечно взмахнет рукой, а она как-то так затаилась, о чём-то своем думая. И кивнула:

– Да. Ты прав. Очень надо. Все слишком шатко.

– Ты о чём-то конкретном сейчас?

– Что?

– У тебя какие-то проблемы?

– Да нет. Может, у тебя сок есть?

Она любила яблочный. Такой, знаете, с мякотью, банки с которым украшали пустые полки в советских магазинах. Они могли развестись, прожив вместе полжизни, могли месяцами потом не общаться (не из-за обиды, нет, её между ними не было, а из-за чудовищной нехватки времени), но то, что они узнали друг о друге за эти годы, было не вытравить из головы. Оно там намертво въелось.

– Нет. Я ж его не пью, а гостей, ты прости, я не ждал.

– Я пыталась тебя предупредить. Только кое-кто не брал трубку.

– Замотался. Так что всё-таки случилось?

– Нет, ну вы только на него посмотрите? Мне что, нужен какой-то повод, чтобы к тебе прийти?

– Обычно – да, – улыбнулся Давид, протягивая бывшей жене высокий стакан. – В прошлый раз, кажется, Ритка чуть не завалила сессию. А до этого мы встречались, чтобы перемыть кости Лилькиному жениху.

– Они, кстати, расстались.

– Вот как?

– А Лилька тебе, что, не говорила?

Давид нахмурился. Развел руками.

– Попыталась.

– А, так до тебя даже твоя любимица не дозвонилась?

– О, да брось. Нет у меня никаких любимиц.

– Это ты Ритке расскажи.

Ну ладно. Может быть, он соврал... И нет, он не любил

старшую дочь сильнее, скорее тут дело было в том, что она ему была ближе. По темпераменту, по характеру, по взгляду на жизнь. И от того, что между ними с Лилькой было это безмолвное взаимопонимание, младшей Рите казалось, что он её любит меньше. Давид приложил массу усилий, чтобы она изменила своё мнение. Усилий, которые, в конечном счёте, не дали никакого ожидаемого результата. За исключением того, что Лилька выросла ужасно избалованной и убеждённой в том, что все ей что-то должны.

Давид поморщился, как будто ему без этого не было тошно. Ну что за день?

– Люб, давай ближе к делу.

– Какой же ты зануда.

– Не спорю. Что-нибудь ещё?

– С ногой что? – поняла, наконец, причину его отвратительного настроения Люба.

– Ничего. Натрудил.

– Давай укол поставлю.

– Я и сам не без рук. Говори, с чем пришла, и уматывай, – беззлобно заметил Гройсман.

– Это терпит... Но, если уж ты так хочешь знать, мне на экспертизу спустили твой проект.

– Который из?

На самом деле прямо сейчас Давид не мог думать ни о чём, кроме боли, но Люба была здесь, и ему нужно было хоть как-то поддерживать разговор.

– О суррогатной секс-терапии для наших ребят. Ты правда считаешь, что это им нужно?

– Если они пострадали на работе, получили увечье или инвалидность, мешающую вести нормальную жизнь, почему нет?

– Это же... Это же банальная проституция!

Для такой образованной женщины в некоторых моментах его бывшая жёнушка оставалась ужасно тёмной.

– Ты путаешь грешное с праведным. Перед суррогатным партнёром ставится вполне конкретная цель.

– Какая же?

– Обращающиеся за терапией люди приходят не ради удовольствия. Они заново учатся близости, прикосновениям, коммуникации. Ты можешь представить, что чувствует мужик, в недавнем прошлом боец элитного спецотряда, красавец, укладывающий девок пачками, оставшись по пояс парализованным?

– Полагаю, ничего хорошего.

– Вот именно. Но им можно помочь. У меня есть понимание, как.

– А понимание того, что это слишком прогрессивная идея для нашего общества, у тебя есть, а, Давидик?

Гройсман поморщился, потому как понимание было. Он же не дурак!

– Попытаться стоит. Вдруг одобрят.

– У них на нормальную пенсию им денег нет, на реабили-

литацию. Физическую, заметь, реабилитацию. А ты о духовной... Ага. Держи карман шире.

– Ну, раз так – заворачивай. Накладывай визу. Что ты мне мозги компостируешь, Люб?

– Да вот интересно. У тебя тоже проблемы были? Ну, после ранения... Ты поэтому ко мне охладел?

– Люб, ты сейчас спрашиваешь, не стал ли я импотентом?

– Нет! Я же знаю, что не стал... У нас было. Несколько раз, но всё же...

– Меня то ранение лишило профессии. На фоне этого потери потенции я бы даже не заметил. Правда... Но, насколько я могу судить, этого не произошло.

– Но твои шрамы...

– Шрамы украшают мужчину.

– Или добавляют комплексов.

– Не в моем случае, Люб. Если честно, я даже не понимаю, как так вышло, что мы это обсуждаем, – Гройсман натянуто улыбнулся.

– Не спрашивай, может, это мне нужно было...

– Что?

– Избавиться от чувства вины.

– Ты себя в чём-то винила?

– Хм... Как сказать? Я думала, может, как-то не так отреагировала, когда впервые увидела твою ногу и этим тебя ранила...

Это было так похоже на Любу, что Давид едва не рассме-

ялся. Надо заметить, в тот раз, о котором Любка упоминала, её реакция и впрямь оставляла желать лучшего. Он потом часто вспоминал её глаза... Мелькнувший в них калейдоскоп эмоций. Ужас, брезгливость, панику... Будь он не таким толстокожим, это и впрямь могло бы стать для него ударом.

– Всё нормально, Люб. Я о той истории и не вспоминаю.

– Правда?

– Ага. И мои шрамы никоим образом не влияют на мою личную жизнь.

– А она у тебя есть?

Он даже рот открыл, так Любка удивила его своим вопросом. А потом в дверь постучали, избавляя его от необходимости отвечать. Стук был настойчивым. Так обычно тарабанили, если что-то случилось. Давид распахнул дверь и отшатнулся, потому что прямо на него шла испуганная соседка с сыном на руках.

– У него температура. Очень высокая. Уже сорок один. И вот, послушай...

Все краски сошли с её лица, и лишь в глазах – он почему-то только теперь рассмотрел их цвет – в избытке была лазурь.

– Задыхается?

– Да. Я боюсь, скорая не успеет.

– Очень похоже на ларингит. Дай его сюда.

Бэлла отдала ему сына, но не сразу. На секунду задержала

в своих руках и потом буквально от себя оторвала.

– На твоём лекарственном складе часом нет «Будесонида»? – спросил Давид, доставая из ящика небулайзер.

– Я не знаю... не знаю! Не знаю! Господи... Что мне делать?

– Ты дыши. Остальное я сделаю сам.

– Что сделаешь?

– Кольну «Дексаметазон». Это гормональный препарат, но он абсолютно безопасен при единоразовом использовании. У него нет аллергии на лекарства?

– До этих пор не было.

– Вот и славно... – быстро наполнив шприц, Давид оголил малышу попку и поставил укол. Плакать у того сил не было. – Сейчас станет лучше. Ну что ты? – удерживая ребёнка одной рукой и, сам не понимая, что делает, Давид осторожно отвёл упавшие на глаза Бэлле волосы. Он и думать забыл, что они не одни, когда о себе напомнила Люба.

Глава 6

– Ему нужен влажный воздух. У тебя можно отключить вытяжку в ванной? – Бэлла обернулась на звук чужого голоса, запоздало понимая, что они с Гройсманом не одни, что в квартире соседа посторонняя женщина. Не молодая, но вполне ему под стать. Приятная внешне, ухоженная. И дорого, хотя и несколько скучно одетая. Детали Бэлла отмечала краем сознания, и было ей совершенно плевать на то, что она, похоже, помешала каким-то планам Гройсмана и этой женщины. Если надо, она потом ей всё объяснит и попросит прощения. Но сейчас важнее всего для неё было здоровье сына.

– Есть! Я сейчас включу горячую воду. Бэлла, посидишь с ним? – спросил Давид.

– Да, но скорая... – Белла неуверенно оглянулась на дверь, понимая, что если те позвонят, открыть им будет некому.

– Моти нет?

– Нет, – мотнула головой. – У неё, как назло, выходной, – пояснила, забирая обессиленного сына из чужих рук, целуя, зарываясь носом в слипшийся от испарины пушок на его макушке и по чуть-чуть успокаиваясь. Тот, конечно, дышал все ещё с некоторым затруднением, но то, что критический момент миновал, было очевидно.

– Тогда я сам прослежу, иди.

Бэлла хотела возразить, потому как ужасно, до дрожи в коленях, боялась остаться одной наедине со своей паникой. Но осознав, что Родiku и впрямь стало лучше, неуверенно кивнула и пошла к двери, чувствуя, как взгляд незнакомки прожигает дыру у неё в затылке. Плевать. Вообще на всё плевать... Ей богу!

– Вот. Садись... – Давид откуда-то притащил складной стул, какой обычно берут с собой рыбаки на рыбалку или любители отдохнуть дикарями. Среди мрамора, которым была отделана ванная комната, стул выглядел неуместно и странно. Но именно он очень много рассказал ей о своем хозяине.

Давид наклонился, чтобы открыть кран. Зажурчала вода, и действительно очень быстро комната начала наполняться паром. Родик судорожно всхлипнул. Бэлла напряглась, ласково провела ладонью по его спинке и принялась осторожно покачивать. Пар наполнил лёгкие тяжестью, завил в крупные кольца выбившиеся из хвоста пряди и как будто даже размягчил кости. Или это, наконец, расслабились скованные ужасом мышцы. В любом случае держать спину прямо больше не было сил. Бэлла откинулась на стену и уставилась в потолок.

– Ну, я пойду. Не то тебе впаяют штраф за ложный вызов. На ты они перешли сразу, но почему-то только теперь Бэлла это осознала. Взмахнула ресницами и, прижимаясь губами к виску сынишки, заглянула в глаза Давида.

– Спасибо.

– Не за что, – вздохнул тот и отвернулся к двери. А Бэлла, даже понимая, что соседу лучше поторопиться, зачем-то опять задержала его вопросом:

– Что теперь будет? Нас заберут в больницу?

– А ты, я так понимаю, не в восторге от этой мысли?

– Совсем. Терпеть их не могу. – Бэлла откашлялась и отвела глаза, почему-то не в силах долго выдерживать его пристальный, словно пробирающийся под кожу взгляд. Уставилась на прикорнувшего сына. – Но если надо... чего уж.

– Как вариант, вы можете остаться дома под моим приглядом. В смысле, если педиатры не скажут чего-то такого, что я не знаю. Но для начала их надо встретить.

Бэлла сомневалась, что в этой жизни есть такое, чего не ведаёт Гройсман. И хрен его знает, почему её уверенность была такой твердой. Как он сказал? «Как вариант, вы можете остаться дома под моим присмотром»... Первая мысль – ага, ещё чего, как же! Вторая, более осмысленная, – а почему бы и нет? Больницы она и впрямь люто ненавидела. С тех самых пор, как вынужденно там провела пару месяцев после возвращения из плена. Бэлла до сих пор помнила, с какой брезгливостью и холодностью к ней относились. Общаясь с горе-врачами, равнодушными и безучастными к чужой судьбе, она испытывала едва ли не большее унижение, чем когда ей приходилось обслуживать клиентов. Нет, конечно, Бэлла допускала мысль, что в её состоянии она могла несколько неадекватно оценивать реальность, но даже осознание этого

не могло заставить переменить своё отношение. В те дни она играла в игру, которую про себя называла «вызов». Смысл этой самой игры в полной мере соответствовал её названию. Просыпаясь – конечно, если ей вообще удавалось уснуть, – Бэлла брала себя, как говорят в народе, на слабо. Дожить до завтрака. До обхода. Пережить обход и не свернуть кому-нибудь шею. Выслушать нытьё соседок и не вскрыться. Пройти через очередной унижительный осмотр и не шагнуть в окно. В сто пятый раз ответить на вопросы миграционной службы и не сделать себе харакири погнутой алюминиевой ложкой.

– Бэлла, там приехали. Парня надо осмотреть.

– Бегу.

Бежит... Ага, как же. Одни слова! Нога-то болит по-прежнему! Хотя уже и не так сильно.

В гостиной Гройсмана, которую она с перепугу даже не разглядела, с ноги на ногу переминались двое мужчин в медицинской робе.

– Ну что, мамочка, рассказывайте, на что жалуетесь?

Бэлла скрупулёзно перечислила все симптомы. Гройсман вдогонку добавил, какие лекарства Родик уже получил. Назвал даже дозировки. Прибывший на вызов педиатр схему одобрил. Послушал мальчишку, заглянули ему в рот и, не увидев ничего смертельного, настаивать на госпитализации не стал.

Пока Бэлла, потакая правилам приличия, провожала вра-

чей, Родик уснул, лег на бок посреди дивана. И, как всегда, глядя на него такого маленького и беззащитного, Бэлла испытала чувство священного ужаса. Сердце болезненно сжалось, ударило в грудь и, отскочив от рёбер, затарахтело, как ненормальное. Бэлла медленно опустилась перед сыном на пол. Боясь потревожить, положила голову на край дивана так, чтобы можно было кончиком носа касаться его крохотного пухлого кулачка, и почувствовала на себе чей-то взгляд.

– Мы сейчас уйдём, – прошептала она, подняв голову.

– Пусть спит. Не буди. Пойдём, – поманил Давид Бэллу рукой. Та, слегка покачиваясь, встала. Сил не было ни на что. Едва доплетясь до барного стула, Бэлла тяжело на него опустилась. С этого места было очень хорошо наблюдать за Родькой. А она вообще не была уверена, что теперь, после всего случившегося, хоть когда-нибудь сможет отвести от него глаза...

– Я, наверное, должна извиниться.

– За что?

– Испортила вам вечер... Ворвалась в истерике.

– Вечер? – Давид поставил перед ней чашку чая и недоумённо нахмурился, как если бы и впрямь не понимал, куда она клонит.

– Ну да. Прервала вашу встречу.

– Ах, это... Пустяки. Я тебе даже благодарен.

Гройсман тоже опустился на стул. Поморщился, вытянул вперёд одну ногу. Бэлла, наконец, поняла, что же её смущает.

Он хромотал! На ту же ногу, что и она. А ещё сегодня утром этого было незаметно.

– Вы повредили ногу?

– Старая рана.

Понятно. Он не хотел вдаваться в подробности. Которые ей тоже были совершенно не нужны, если уж разобраться. Бэлла мысленно отругала себя за вопрос. Подула в чашку, чтобы остудить чай, и пригубила. Напиток был потрясающе вкусным. Давид явно не экономил на заварке. Может быть, ту везли ему аж из самого Китая.

– Есть хочешь, или после салата до сих пор не до еды?

Пальцы застыли. Бэлла закусила щёку. Это что ж означало? Он хотел обсудить случившееся? Она определённо не была к этому готова.

– Нет. Не хочу. Кусок не лезет в горло. Как думаешь, приступ больше не повторится?

– Может, да, а может, и нет. В любом случае мы знаем, что делать.

– Ты знаешь. А я ничего не смогла. Даже просто взять себя в руки.

– Но я же рядом, – Гройсман пожал плечами как ни в чём не бывало. А у Бэллы дыхание перехватило от его слов. Таких на первый взгляд простых, но к ней как будто не относящихся. Чуждых. И, как оказалось, настолько трогательных, когда они обращены к тебе.

– На дворе почти ночь.

– И что? Оставайся, если тебя что-то беспокоит.

Её беспокоило. Очень. Но остаться она не могла. От одной только мысли о том, что ей придётся ночевать не дома, у Бэллы начиналась тахикардия. Она довольно буквально воспринимала выражение «мой дом – моя крепость». И за его пределами, пусть всего в двух шагах, Бэлла чувствовала себя ужасно уязвимой.

– Нет. Я не могу. Это неудобно.

– Ну, смотри сама. Я не настаиваю. Ни на чём.

И снова их глаза встретились. Бэлла поняла, что говоря в общем, он подразумевал один конкретный эпизод. Подчеркивая, что такое больше не повторится. Не скрывая в голосе сожаления и досады на себя.

– А лекарства всё же надо купить. Я схожу в аптеку, – говоря это, Гройсман машинально растёр бедро. Любая другая на месте Бэллы не обратила бы на это никакого внимания, а она, та, чьё выживание однажды стало напрямую зависеть от таланта предугадывать настроение находящегося рядом мужчины, обратила... И оценила его идущую вразрез со здравым смыслом готовность помочь.

– Не нужно. Вам нездоровится. Лучше я закажу доставку.

– Говоришь со мной, как с настоящей развалиной... – проворчал Давид.

– Нет. Просто иногда лучше не геройствовать. Ч-чёрт... Я телефон дома оставила.

– Закажи с моего. Или лучше я сам закажу.

Гройсман справился гораздо быстрее, чем она придумала достойный предлог отказаться от его помощи.

— Ну что ты на меня волком смотришь? Я же вроде ничего такого не сделал. Даже целоваться не лез, — поддел то ли её, то ли себя самого. И как-то сразу всё, что он тогда сделал, приобрело совершенно иной окрас.

— Да нет же! Я, наверное, просто... — он ей здорово помог, и это заслуживало, по крайней мере, честности, поэтому Бэлла через силу все же закончила: — ...я, наверное, не привыкла.

— Что тебе покупают таблетки?

— И к этому тоже. Знаешь, я, пожалуй, всё же пойду... — Бэлла дёрнулась, но он не дал ей встать, накрыв своей тяжёлой большой ладонью её руку и тем самым будто пригвождая... нет-нет, не к столу. К себе. Дыхание Бэллы замерло в лёгких.

— Извини. Я... боже, я не собираюсь делать что-то против твоей воли.

— У меня этого даже в мыслях не было.

— Было. Я сам дал тебе повод так думать. О чём уже тысячу раз пожалел. Это должно было быть... Я не знаю... Шалостью?

— Ты у меня спрашиваешь? — вопреки своему поганому настроению, Бэлла искренне улыбнулась. — Брось, Давид. Ничего не произошло.

— А если я скажу, что хотел бы повторить?

Бэлла уставилась в пол, но он успел увидеть, как прежде изумленно расширились ее глаза.

– Ой, кажется, Родик проснулся. – Радуюсь, что это избавило её от необходимости что-то ответить, Бэлла вскочила, торопливо подошла к сыну, который со сна да ещё в незнакомом месте, похоже, никак не мог прийти в себя. Удивлённо хлопал глазами и кривил губы, готовый в любой момент разреваться. – Он горячий.

– Несколько дней температура подержится. Это нормально.

Бэлла кивнула. Родька положил голову ей на плечо и, сунув кулачок в рот, внимательно уставился на Давида. А ведь если бы не тот горе-скутерист, что чуть было не переехал её сына, они бы могли не познакомиться. Скорая могла не успеть, и тогда...

– Ну, тогда мы пойдём. Дома у меня есть жаропонижающие.

– Останься. Вы мне не в тягость. Так будет спокойнее. Забери лекарства и приходи.

Ей хотелось... Он прав, так было бы и спокойней, и безопасней. Для Родиона – так точно. Но не факт, что для неё.

– А может, лучше ты к нам? – сама себе удивляясь, спросила Бэлла. – Понимаешь, у Родьки полно вещей...

– Ладно.

– ... таскать их туда-сюда не с руки. Да и привычней ему будет...

– Ладно.

– ... в собственной кроватке. Что? – наконец до Бэллы что-то начало доходить.

– Я переночую у вас. Без проблем. Только кое-что соберу. Стетоскоп, там... Тот же ингалятор.

Чего? Мамочки! Зачем она это предложила? Так ведь ясно. Была уверена, что он откажется, и они сойдутся на том, что Бэлла обратиться к нему, лишь если что-то пойдёт не так. Среди ночи там, или ранним утром. И теперь получается, что она сама себя загнала в ловушку. И рядом с ней впервые за миллион лет будет спать мужчина. Точнее, не то чтобы рядом – за стенкой, и наверняка закрытой на замок дверью. Которая, если разобраться, вообще не гарантировала безопасности.

Глава 7

Предложение Давида провести вместе ночь было абсолютным безумием. Даже учитывая то, что он предлагал Бэлле лишь помощь с ребёнком – и ничего кроме, сам-то он понимал, что в его поступке нет ни капли альтруизма. Ни о каком благородстве речь здесь не шла. И уж тем более не шла о врачебном долге. Им руководили гораздо... гораздо более неизменные инстинкты.

Желание? Несомненно. Но в большей степени зудящая внутри потребность защищать. От всего, что бы ей ни угрожало. И если эта угроза исходила из болезни мальчишки, что ж... Вот он. Стоит, как идиот, у двери, не решаясь ни войти, если вдруг та открыта, ни позвонить, если Бэлла всё ж передумала и заперлась.

Задыхаясь от нетерпения и злясь на то, что никак его не обуздать, Давид зыркнул на висящую над дверью лифта камеру. Да, уж... У их консьержки, если та наблюдательная, похоже, появилось новое развлечение. Он, вон, целый спектакль устроил. Ага. Одного актёра. Нет! Кло-у-на! Дёргается, будто ему пятнадцать. Межуется. Хрень какая-то. Стыд. В его-то возрасте и при его положении! И оттого, наверное, ещё более ценно. Потому как ну не ожидал он, не мог и надеяться, что ещё сможет такое почувствовать...

Выругавшись, Давид постучал в дверь костяшками паль-

цев. Так было меньше шансов разбудить мальчика, если он уснул. В ту же секунду Бэлла открыла и, не отнимая от уха телефонной трубки, коротким взмахом руки пригласила Давида войти.

– Нет-нет, Родик. Не беспокойся. Его уже осмотрели. Ничего страшного. Лекарства я заказала в аптеке, так что мы неплохо справляемся. Нет никаких причин срываться с места посреди ночи... Что? Нет. Если захочешь проведать, то приезжай... Но не сейчас же! Дай Родиону несколько дней прийти в себя. Что? Ага... Всё, давай, Родь, мне неудобно говорить, правда...

И там Родион, и тут... Давид напрягся, ведь было понятно, что Бэлла говорила с отцом своего ребёнка. И по тому, что у этих двух были одинаковые имена, можно было сделать вывод о том, что Родион старший в её жизни был мужчиной не проходящим. Иначе зачем бы Бэлле было называть сына в его честь? Это очень показательный момент, спросите кого угодно. Выходит, все его представления о ней – полная лажа? Ладно, тот с ними не живёт. Но, похоже, мужик к сыну равнодушен. И тогда что же получается, Бэлла не шутила, когда в ответ на его слова сказала: «Может, у меня есть богатый любовник. Топ-менеджер в большой корпорации»?

Это многое объясняло, да. Но никак не вписывалось в то, что он узнал о ней позже. Например, что Бэлле на физическом уровне неприятны чужие прикосновения. Если, конечно, дело было не в самом Давиде. В конце концов, ни в ко-

ем случае нельзя было отметить мысль, что ей отвратителен исключительно он. Гройсман скользнул взглядом по своему отражению в высоком зеркале. Удивительно. Он, тот, кто даже в молодые годы не парился по поводу своей внешности, теперь вот озаботился вопросом, как выглядит в её глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.